

— Маршал, ну почему вы опять ищете Шестую сестрицу?

Чу Цинюнь придвинул стул почти вплотную к Хэ Юэ и мягко обхватил её запястья. Голос его зазвучал вкрадчиво, с той самой жеманной, капризной интонацией, которая требовалась по сценарию.

Сун Сюйян в сторонке тихо проворчал:

— Да ладно, у меня ведь точно так же выходит! Ну, разве что голос у него чуть потоньше.

Чу Цинюнь проигнорировал его выпад. Он медленно опустил ресницы, разыгрывая фальшивую обиду, затем слегка склонил голову набок и посмотрел на Хэ Юэ снизу вверх — тоскливо, с неммым упрёком:

— И что вы в ней нашли? Вечно ходит со своей постной миной...

Сун Сюйян, будучи непосредственным участником, мало что замечал из-за собственного упрямства, но Хэ Юэ, игравшая его визави, видела разницу слишком отчётливо.

Когда капризничал Сюйян, это выглядело дико. Как бы она ни заставляла себя поверить в происходящее, сквозь образ пятидесятилетней давности неизбежно проглядывал современный парень, натужно строящий из себя кокетку.

Но сейчас, когда на неё смотрел Чу Цинюнь, в его влажных глазах читалось такое безграничное доверие, что у неё перехватило дыхание. Его тёмные, глубокие зрачки таили в себе какую-то загадку, делавшую эту мнимую привязанность безумно притягательной. Когда его дыхание, лёгкое, как дуновение ветра, коснулось её уха, у Хэ Юэ едва не подкосились ноги. Ей стоило огромных усилий не утонуть в этом взгляде. Только сделав несколько глубоких вдохов, она вспомнила, что по роли её персонаж должен искать Шестую сестрицу, и заставила себя рассеянно оглядеться по сторонам.

Кто бы мог подумать, что это холодное, высокомерное лицо способно излучать такую концентрированную чувственность?

— Но... я...

Хэ Юэ снова посмотрела на Чу Цинюня. Под его выжидающим взглядом слова застряли в горле. Справившись с секундным замешательством, она выдавила:

— Но до меня дошли слухи, будто вы с ней в последнее время не разлей вода?

На губах Чу Цинюня застыла мягкая полуулыбка. Любой зритель сразу догадался бы, что его

герой что-то недоговаривает, однако его лукавый, подкупающе нежный взгляд заставил маршала поверить этой лжи.

— Да просто вы изволили проявить к ней интерес, вот я и подумал поучиться у неё иностранным языкам, — юноша плавно приник к руке, обнимавшей его за талию, и глуповато склонил голову. — Да только толку от этого мало. Она вечно талдычит какую-то чепуху... То ли «демо», то ли «кока-кола».

Подобная святая простота всегда льстит чужому самолюбию. Видя, как искренне он теряется перед элементарными вещами, трудно было не почувствовать превосходство:

— Демократия?

— Да-да, точно! — устроившееся в объятиях прелестное создание вскинуло голову с таким благоговением, будто впервые узнало, что маршал силён в иностранных наречиях. — Именно так она и говорила!

Раздался громкий хохот. Разве может это наивное дитя, умеющее лишь хлопать влажными ресницами и не понимающее ни слова по-английски, смыслить хоть что-то в политике?

— Не учит она тебя, а губит, дурака эдакого! А ты и рад уши развесить. Забьёшь себе голову этой чепухой — и прощай спокойная жизнь.

— Да мне вовсе не интересно, что это значит!

Едва Чу Цинюнь отвернулся от Хэ Юэ, на его лице промелькнула едва заметная тень. Тонкая игра ума, дававшая зрителю чётко понять: этот парень лишь разыгрывает дурачка.

Мгновение на размышление — и Чу Цинюнь изящным движением пересел к маршалу на колени, легко положив руки ей на плечи.

Это движение было прописано в сценарии фильма, но Сун Сюйян никак не мог пересилить себя и выполнить его естественно, поэтому преподаватель разрешил им отложить этот жест, пока они не поймут нужную волну.

Кто бы мог подумать, что Чу Цинюнь сделает это так легко и непринуждённо!

Хэ Юэ прекрасно понимала, что реального физического контакта между ними нет, но когда этот «лис» так внезапно оказался вплотную к ней, её сердце пропустило удар. Юноша — точнее, её экранная наложница — кокетливо улыбался. В этой улыбке сквозила притворная нежность, но в самих глазах светилась детская, чистая безмятежность. Невероятное сочетание порочной притягательности и святой невинности на одном лице.

— Раз маршалу угодно, я буду учиться.

Он очаровательно склонял голову набок при каждом слове, с каждым разом приближаясь всё сильнее.

— Демо-кока-кола, демо-кока-кола... Вы зачем так близко подошли?

Хэ Юэ, едва смея дышать, вдруг заметила, что Чу Цинюнь смотрит куда-то ей за спину. Выпав из образа, она шумно выдохнула и обернулась — и чуть не отпрянула от неожиданности. Прямо над ней нависла чья-то физиономия.

Это был Си Тун, ассистент Чу Цинюня.

Чу Цинюнь закончил показ. Извинившись перед Хэ Юэ, он поднялся со стула и требовательно посмотрел на своего бесцеремонного помощника.

— Мне не понравилось, — загробным голосом произнёс Си Тун.

Хэ Юэ, только начавшая приходить в себя после глубокого погружения в сцену, удивлённо спросила:

— Что именно? Есть какие-то замечания по игре?

— Когда вы репетируете, Брат Чу должен использовать меня в качестве реквизита, — уныло протянул Си Тун, бросив на Хэ Юэ полный ревности взгляд.

Чу Цинюнь лишился дара речи.

— Если тебе нечем заняться, иди поиграй в телефон. И держись от меня подальше.

[Ха-ха-ха, этот ассистент просто озвучил мои мысли! Пустите Хэ Юэ, я хочу быть на её месте!]

[Господи, оператор гений! Снято прямо от лица маршала! Когда Сяомао обхватил её за шею, у меня внутри всё перевернулось!]

[Готова поспорить, помощник Чу Цинюня — его самый преданный фанат! Так и норовит подойти поближе. Буквально я!]

[Завидую Хэ Юэ, завидую ассистенту! А-а-а, почему Цинюню досталась роль Юэжу? Требую петицию, чтобы он сыграл Пятую госпожу! Чистой воды соблазнитель!]

[Вообще-то в фильме Юэжу куда более чувственная, чем Пятая госпожа. Даже представить страшно, каким выйдет Юэжу в исполнении Чу Цинюня!]

[А-а-а! Я влюбилась в эту кошечку! Ну кто устоит перед такой прелестной, преданной глупышкой?]

Сун Сюйян уже давно стоял в стороне как громом поражённый, не отводя взгляда от Чу Цинюня.

Соответствовал ли образ Цинюня жеманной и фальшивой Пятой госпоже? Безусловно. Его мимика была выразительной, жесты — театральными. Будь Сюйян на месте Юэжу, наблюдающего со стороны, он бы точно скривился от отвращения. Но сейчас, глядя на эту сцену, он чувствовал, как бешено колотится сердце, а в груди разливается щемящая тоска. Видеть, как Чу Цинюнь так унижительно заискивает перед кем-то, было невыносимо больно. Это противоречило здравому смыслу.

«Да кто такой этот маршал, чтобы он ради него так унижался!» — вертелось в голове.

И тут же промелькнула шальная мысль: а если бы на месте маршала оказался он сам?.. Смог бы он устоять? Навряд ли. Даже если бы был прожжённым циником.

— Пятая госпожа — классический пример женщины, сломленной патриархальными устоями, — произнёс Чу Цинюнь, когда Си Тун наконец отошёл. Он достал карандаш и сделал пометку в сценарии.

Его товарищи по команде, пребывавшие в глубокой задумчивости, встрепенулись. Особенно Сун Сюйян — его недавнее высокомерие испарилось без следа, и теперь он послушно уселся рядом с Хэ Юэ, готовый внимать каждому слову, точно прилежный первоклассник.

— Вся её жизнь подчинена единственной цели — угождать мужчине. Даже будучи неглупой, она вынуждена притворяться дурочкой, чтобы потешить самолюбие маршала. Сталкиваясь с его изменой, она обращает свой гнев не на мужа, а на другую женщину. Поэтому, какой бы хитрой и фальшивой она ни казалась, внешне она должна демонстрировать безграничную преданность и обожание. Её последующее пробуждение — это бунт свободной души, которую в ней разбудил Юэжу. А в твоём исполнении нет и намёка на угнетение. Ты не заискиваешь перед маршалом, ты его откровенно соблазняешь.

Сун Сюйян смутился:

— Ну ладно-ладно, критикуй по делу, но зачем же так прикладывать?

Чу Цинюнь кивнул, а Сюйян, опустив голову, попытался представить себя на месте этой несчастной женщины.

Каково это — кричать от боли глубоко внутри, но послушно склонять голову и притворяться, будто всё в порядке, выживая в нечеловеческих условиях? Хэ Юэ, обладающей тонкой эмпатией, было легко понять это состояние. Но парню, никогда не сталкивавшемуся с дискриминацией, примерить на себя такую долю оказалось непосильной задачей.

Сюйян хмурился:

— Я понимаю, о чём ты, но играть это чертовски сложно. Сплошное противоречие!

Чу Цинюнь, видя, что напарник всё ещё буксует, ненадолго задумался, а затем заговорил иначе:

— Представь, что с самого детства тебе твердят: ты бракованный, ущербный, именно поэтому от тебя отказались.

Сюйян замер.

— Но в глубине души ты уверен, что с тобой всё в порядке. Что правы не они, а ты.

— Но они продолжают настаивать на твоей ущербности. Говорят, что тебя бросили за дело. И чтобы выжить, чтобы тебя снова не выставили за дверь, ты должен смириться со своей неполноценностью и научиться жить с этим клеймом. Постепенно ты и сам начинаешь в это верить...

— Хватит, я понял, — перебил его Сун Сюйян, помрачнев. — Я всё понял. Ну ты и язва, конечно.

Ни один ребёнок из приюта не избежал мучительных мыслей о том, почему его оставили родители. Сун Сюйян прочувствовал всю трагедию Пятой госпожи, но вместе с тем эти слова всколыхнули в нём старые, болезненные воспоминания.

Хэ Юэ, уловив перемену в настроении ребят, осторожно спросила:

— Вы... говорите о своём детстве?

Она знала, что Чу Цинюнь — настоящий молодой господин семьи Чжоу, долгое время живший вдали от дома, но о прошлом Сун Сюйяна ей ничего не было известно. Неужели они оба выросли в детском доме?

Осознав, что вопрос звучит слишком бестактно, Хэ Юэ поспешно перевела тему:

— Впрочем... Цинюнь часто тепло отзывается о своей маме. Должно быть, она была замечательным человеком.

Если рядом был кто-то, кто дарил любовь, то детские травмы, наверное, переносились чуть легче?

При упоминании матери лицо Чу Цинюня заметно смягчилось. Он кивнул:

— Я сам выбрал её себе в мамы, когда был маленьким.

Сун Сюйян хмыкнул:

— Выбрал? Да ты её натурально отбил у других!

Хэ Юэ с любопытством перевела взгляд с одного на другого:

— Вы знали друг друга в детстве?

— Да он с малых лет был тем ещё пройдохой, — оживился Сюйян, окончательно страхнув уныние. — Детей старше трёх лет неохотно берут под опеку. Нам тогда было лет по пять-шесть, шансы на усыновление стремились к нулю.

— Это у вас они стремились к нулю, — невозмутимо поправил Чу Цинюнь.

Сюйян нехотя согласился:

— Ну да, на него вечно заглядывались будущие родители — больно уж смазливый был. Но он наотрез отказывался уходить с кем-либо. Мы-то думали, он просто нас, своих верных друзей, бросать не хочет. Пылинки с него сдували, вождём своим считали.

Хэ Юэ, уже догадываясь, к чему клонится история, прыснула со смеху:

— Так он просто присматривался и выбирал?

— Моей маме тогда было двадцать пять. Она была самой молодой и красивой среди всех потенциальных опекунов, — Чу Цинюнь ничуть не смутился разоблачением. Его взгляд затуманился тёплыми воспоминаниями. — И по ней было видно, что она действительно готова взять на себя заботу о ребёнке.

— Перевозжу: у неё водились деньги, — вставил Сюйян.

Чу Цинюнь кивнул:

— У меня тогда было слабое здоровье. В детском доме из лекарств были только анальгетики. Мне нужен был обеспеченный человек, который смог бы оплатить лечение.

— Вот именно! — подхватил Сюйян. — И когда та женщина сказала, что хочет взять ребёнка, этот негодник внезапно превратился в сущее наказание. Стал заирать всех подряд. Нас это так взбесило, что мы толпой погнали его колотить. И в самый разгар потасовки он с рёвом бросился к ней в объятия. Женщина решила, что мальчика травят, и тут же оформила документы.

К этому моменту вокруг троицы актёров уже тихонько пристроились их ассистенты, затаив дыхание слушавшие рассказ.

Хэ Юэ хохотала так, что у неё заболел живот:

— Серьёзно?! Тебе правда было всего шесть лет? Ну ты и интриган!

— О чём и речь! — Сюйян наконец нашёл единомышленницу и с жаром продолжил жаловаться: — И ведь обещал писать, звонить! А сам уехал и пропал с концами. Когда мы спустя годы столкнулись в Академии кинематографии, я к нему со всей душой ринулся, а этот барин меня даже не вспомнил! Мы с ним все четыре года учёбы дрались не на жизнь, а на смерть.

Сюйян обиженно уставился на Чу Цинюня. Самое возмутительное было то, что этот человек умудрился забыть даже их университетские баталии.

— Когда мы побирались на улицах, если бы я не делился с тобой мелочью, тебя бы давно прибили! И где твоя благодарность?

Чу Цинюнь мысленно вздохнул с облегчением. Пазл наконец сложился. Он вспомнил, кем был Сун Сюйян.

До того как попасть в приют, маленький Цинюнь состоял в банде профессиональных попрошаек. Сюйян был его товарищем по несчастью. Когда их спасли, директор детского дома дал всем воспитанникам свою фамилию.

— Лю Сяоу, — негромко произнёс Чу Цинюнь.

Теперь понятна была глубина обиды Сюйяна. В детстве Цинюнь действительно частенько подставлял его.

— Какое совпадение, правда? — Сюйян проигнорировал его реплику и обратился к Хэ Юэ. — В приюте я был пятым по старшинству, а он — шестым.

— И при этом ты умудрился так бездарно сыграть Пятую госпожу, — поддел его Чу Цинюнь.

Сюйян вскинулся:

— Да не ворчи ты! Сейчас всё переделаю!

Атмосфера окончательно разрядилась. Хэ Юэ, вытирая выступившие от смеха слёзы, мягко произнесла:

— Извините, ребята, что заставила вас вспоминать такие грустные вещи.

— Да ничего грустного тут нет, меня ведь тоже вскоре усыновили, — ухмыльнулся Сюйян. — Мои новые родители души во мне не чают.

Чу Цинюнь приподнял бровь:

— И как тебе удалось их очаровать?

Сюйян замялся, а потом, пряча улыбку, буркнул:

— Взял с тебя пример.

В тренировочном зале снова раздался дружный хохот.

Чу Цинюнь тоже слегка улыбнулся:

— Я не пытался скрыться. После усыновления мама сразу увезла меня в город В на лечение. Я несколько лет провел в больницах, а когда вернулся, детский дом уже закрыли. Связь оборвалась.

— Неужели твоя мама так и не раскусила твою хитрую натуру? — искренне удивился Сюйян. — Вот я однажды попытался схитрить перед отцом, так он мне такую взбучку устроил.

— Она всё знала, — спокойно обронил Чу Цинюнь, сбрасывая очередную ментальную бомбу. — С самого первого дня.

— Знала — и всё равно оплатила лечение?!

Каким бы пронырливым ни был ребёнок в шесть лет, он остаётся всего лишь ребёнком. Поняв, что его замысел раскрыт, маленький Цинюнь испугался до дрожи в коленках. Он аккуратно сложил новые вещи, купленные матерью, и протянул ей пакет:

— Тётушка, — шмыгая носом, тихо сказал малыш, — простите меня. Верните меня обратно в приют.

Женщина молча посмотрела на него сверху вниз, а затем спросила:

— И зачем мне возвращать такого маленького разбойника? Чтобы ты продолжал обижать других детей?

Цинюнь замер, не смея поднять глаз, крупные слёзы капали на пол. Но в следующую секунду тёплые руки подхватили его под мышки и оторвали от земли.

Его идеальная, бережно выбранная мама весело рассмеялась, взъерошив ему волосы:

— Мне сказали, ты выбрал именно меня из целой толпы. Нашёл во мне какие-то особые достоинства?

Пока ребёнок ошарашенно молчал, не зная, что ответить, она крепко прижала его к себе:

— Какое совпадение! Я ведь тоже среди сотен детей сразу заметила тебя. Немного вредности тебе не повредит, я люблю характерных малышей. Так что с этого дня ты мой сын.

— У-у... Мамочка, ты лучшая...

— Как трогательно... — Хэ Юэ была растрогана до глубины души. — А что стало с твоей мамой, когда ты вернулся в семью Чжоу?

— Её больше нет с нами.

— Что?! — Сюйян едва не подскочил на месте.

— Она пропала без вести во время путешествия много лет назад. Возможно, погибла, а может, просто решила скрыться от меня из-за какой-то обиды, — Чу Цинюнь слабо улыбнулся. — Это было очень давно.

Хотя в его субъективном восприятии, искажённом действием медикаментов, прошло едва ли больше двух недель. Принятые лекарства притупляли боль, позволяя говорить о трагедии отстранённо.

Именно поэтому он не сразу почувствовал мягкие, успокаивающие поглаживания по спине. Тёплое прикосновение чужой ладони казалось непривычным, но на удивление умиротворяющим.

Придя в себя, Чу Цинюнь обнаружил, что Хэ Юэ тихо плачет, Сун Сюйян сидит повесив нос, а источник тепла на его лопатке... принадлежит Си Туну.

Он нахмурился и обернулся. Его ассистент шмыгал носом, размазывая слёзы по лицу, и бережно гладил его по спине.

— Ты...

Заметив взгляд босса, Си Тун придвинулся ближе и преданно прошептал:

— Босс... Обещаю, я всегда буду предан вам! Обижать не дам!

— В этом нет необходимости, — Чу Цинюнь выразительно посмотрел на его руку. — Я лишь хотел спросить... тебе лапа не дорога?

— Дорога, — послушно пискнул Си Тун, мгновенно убирая руку и принимаясь усердно вытирать слёзы рукавом.

— Что ж, теперь мы отлично ладим, — внезапно объявил Чу Цинюнь.

Сидевшие перед ним притихшие товарищи удивлённо вскинули головы. Виновник их уныния выглядел бодрым и полным сил.

— Продолжаем репетицию. Если вы и дальше будете изображать на сцене двух незнакомцев, я заставлю вас спать в одной постели.

— Так ты разворошил нам душу только ради того, чтобы мы лучше сыгрались?! — вытаращил глаза Сун Сюйян и в шутливой ярости вцепился Чу Цинюню в горло.

— Самый быстрый способ сблизиться — разделить чужую боль, — на губах Чу Цинюня заиграла вкрадчивая улыбка искусителя. — Разделив мою тоску, вы наверняка почувствовали себя родными душами.

— Чу Цинюнь, скотина ты такая! — взревел Сюйян.

— Верни мои слёзы! — в один голос с ним закричала Хэ Юэ.

<http://bllate.org/book/20480/2181710>